

Песнопения продолжались долгое время в горах, меняясь от чистого к утешительному, затем к глубокому. Смертные, живущие внизу, подумали, что прибыло несколько Будд, и пришли в восторг. Некоторые начали жечь благовония возле своего дома.

Эти песнопения оказывали на смертных такое же воздействие, как имя Короля-маяка на культиваторов.

Этот еретический король был великолепен. Хотя он пропал без вести почти две тысячи лет назад, этот титул все еще пугал старших в настоящем.

Никто не думал, что он все еще жив, но нужно было дать Цюшэну преимущество сомнения. Лучше верить, чем не верить.

"Идиот, ты думаешь, что сможешь напугать меня, вспомнив о Короле Маяков? Что я не выбью из тебя все дерьмо?" Монах Цзю Ру не растерялся и ударил Цюшэна по лицу, от чего тот отлетел в сторону.

Мало кто в этом царстве не боялся Короля Маяков, монах Цзю Ру был одним из них.

Он был силен как бык и заставил Цюшэна пролететь десятки миль, потеряв при этом часть зубов и едва не разбив парню лицо.

Цюшэн больше не мог сохранять свой ученый вид и тихо застонал. Увы, он не осмелился ответить или даже произнести хоть слово недовольства, иначе сегодня ему пришел бы конец. Единственным способом выжить было позволить монаху избить его и надеяться, что он примет во внимание Короля Маяков.

Ши Талуо тоже досталось. Монах схватил его за лодыжку и начал раскачивать, а затем бросил головой вперед в пику.

Эти двое получили хорошую взбучку, прежде чем монах сделал перерыв, чтобы выпить вина: "Совсем неплохо, достойное культивирование, достойное быть ходоками Сенлуо, практически на том же уровне, что и ваши предшественники, выжившие так долго."

Они с трудом поднялись на ноги. Третий ребер Цюшенга была сломана. Талуо наполовину оторвало два крыла. У обоих было ужасное выражение лица, но они не осмелились ничего сказать.

Цюшэн сказал: "Старший, спасибо, что проявил милосердие, иначе от нас не осталось бы ни одной кости".

"Этот младший не знал, что вы здесь, пожалуйста, простите нас из уважения к Королю Маяков". Талуо пошатнулся.

Они явно знали, что остались живы благодаря Королю Маяков.

Монах спокойно позировал, положив руки на талию, обнажая свои татуировки - зеленого дракона слева и белого тигра справа с большой мышью посередине. Он был похож на лысого мясника на рынке: "В этом мире у зла есть еретический путь, у культиваторов - свои пути, у буддистов - буддизм. Я не похож на этих старых упрямых даосов. Я не забочусь о справедливости или истреблении зла. Однако, если вы, ублюдки, провоцируете меня, то не вините меня за то, что я избиваю вас до тех пор, пока ваши матери не смогут вас узнать".

Этот парень был просвещенным старцем? От его нецензурной брани Цюшенг и Талуо потеряли дар речи, глядя друг на друга.

Талуо сказал: "Его превосходительство, Король Маяков, рассказал нам много вещей. Храм Сенлуо может смотреть свысока на весь остальной мир, но вы - исключение, монах Цзю Ру".

Эти слова были явной ложью, просто разговорной лестью.

Тем не менее, монаху это понравилось: "Это сказал Король Маяков?"

"Да."

Цюшэн добавил: "Его превосходительство также сказал, что ваша буддийская близость безгранична. Если мы настолько слепы, что провоцируем вас, то мы заслуживаем смерти. Даже бессмертные не смогут нас спасти".

Монах дважды кашлянул и спросил: "Где твой Король-маяк? Пойду спрошу его о том, как плохо он учит своих последователей".

Любой другой человек, услышав такое, разразился бы смехом, но только не монах Цзю Ру.

Цюшэн сказал: "Его превосходительство недавно получил древний священный артефакт еретического дао с горы Бронзового Котла, поэтому сейчас он находится в изолированном культивировании. Я уверен, что он скоро выйдет и лично приготовит для вас банкет. Наш молодой лорд сейчас за главного".

"Мне плевать на бредни вашего храма, отдайте Писание Золотого Шелкопряда прямо сейчас, и я пощажу вас. Иначе я сегодня же переведу вас всех на другую сторону". сказал монах.

Цюшэн снова обменялся взглядом с Талуо. Это было трудное положение для них, но, увидев мускулистые руки монаха, они нехотя кивнули.

Цюшэн сказал: "Писание сейчас у молодого господина, я спрошу его и верну его в лагерь зверюшек в течение трех дней, конечно, там будет и извинительный знак".

Монах Цзю Ру ничего не сказал, поэтому двое испугались еще больше. Цюшэн поспешно добавил: "Учитывая твою высокую культивацию, я не смогу сбежать, даже если доберусь до края света".

"Ладно, так и быть, если ты не вернешь писание Зверолову через три дня, я схвачу и буду пытаться тебя тысячу раз". Этот монах обладал эксцентричной личностью, и уж точно не был персонажем на стороне справедливости. Его голос напоминал громовые раскаты, отчего Цюшэн на время оглох.

Бедняга продолжал кланяться, отступая назад. Он и Талуо убежали вместе с оставшимися еретиками.

Налан Сюэцзянь ворвалась в главный зал, ее волосы развевались на ветру. Ее буддийский халат Налан светился, заставляя окружающих думать, что она дочь Будды. Она быстро нашла Фэйюнь и увидела, что с ним все в порядке.

Она вздохнула с облегчением и кокетливо надулась: "Посмотри на себя, Дьявол Фэн, сидишь здесь и пьешь в одиночестве. Разве ты не знаешь, как я волновалась, думая, что ты можешь остаться без руки или ноги?"

Фэйюнь продолжал пить из бронзового кубка. Красный цвет в его глазах и злобная близость немного отступили. Он улыбнулся: "Как это может тебя касаться?"

По какой-то причине, когда она была рядом, злая сила в позвоночнике Ямы подавлялась, как и его демоническая кровь.

"Если ты потеряешь руку или ногу, то мне придется вечно заботиться о тебе, стирать твою одежду и готовить для тебя еду, мыть твоё лицо, а также твои вонючие носки..." Сюэцзянь посмотрел на него, а затем постучал по голове.

"Тьфу!" Он выплюнул полный рот крови в чашку и руку и начал жестоко кашлять.

Он был ранен во время ментального поединка с Цюшэном, но ему нужно было держаться. Теперь, когда еретики ушли, он наконец выплюнул кровь, скопившуюся в груди, наружу и почувствовал себя намного лучше.

"Прости, прости, не пугай меня..." Сюэцзянь испугалась до смерти, подумав, что слишком сильно стукнула его по голове, и начала винить себя.

Она быстро достала свои нефритовые буддийские четки с мягким сиянием. Она держала их в одной руке, а другой крепко сжимала его руку.

Бусины излучали чистейшую буддийскую энергию, как будто она держала звезды. Эта энергия хлынула в тело Фэйюнь.

Фэйюнь сначала хотел сказать ей, что он в порядке и ему не нужно, чтобы она использовала на нем четки. Однако в его голове раздался спокойный звук буддизма, очищающий его желания и темные мысли.

Злое сродство в позвоночнике было вытеснено обратно в костный мозг и запечатано слабым зеленым свечением.

Зеленое свечение продолжало течь в его жилах, успокаивая его демоническую кровь. Даже кровь, оставшаяся от Злой Женщины, потускнела от процесса очищения.

Они остались вдвоем, окруженные многочисленными буддийскими огнями.

Ее взгляд был полон любви, а брови слегка вздрагивали. Прекрасная и святая, как буддийская святая; над головой у нее был белый нимб, совершенный и свободный от примесей. Ее нежные пальцы крепко держали его руку.

Она смотрела на чашу, полную крови, переполненную печалью, и желала, чтобы вместо этого она страдала.

"Это потому, что я такая бесполезная, он всегда любил выпендриваться и считал себя таким с юности, потому что матери не было рядом, а бабушка его не любила, а я ничего не могла с этим поделать, почему я такая бесполезная..." Девушка продолжала винить себя.

Более половины его злого сродства было подавлено. Даже злые руны на его лице ослабли, и цвет лица снова стал ровным. На его висках осталось лишь несколько слабых символов. С первого взгляда их было не разглядеть.

Он медленно открыл глаза; они снова были черными.

Увидев, что с ним все в порядке, она почувствовала облегчение и хотела снова постучать его по голове. Увы, ее рука замерла в воздухе, потому что она не хотела, чтобы его снова вырвало кровью.

Она разжала кулак и рукавом вытерла кровь с его губ, ее глаза были полны беспокойства: "Тебе лучше?"

Глаза Фэйюня хищно сверкнули, когда он смотрел на эту кукольную девушку. Он сказал серьезным тоном: "Черт побери... Я культивирую технику телосложения, которая при великом завершении будет иметь алмазное и неразрушимое тело, но у нее есть слабое место... макушка моей головы... которая только что была задета тобой. Моя... культивация пропала... Я больше никогда не смогу культивировать..."

Сюэцзянь винила себя еще больше, кусала губы, а в глазах блеснули слезы. Она начала бить себя и причитала: "Глупая Сюэцзянь, ты ничего не можешь сделать правильно!".

Фэйюнь напустила на себя скорбный вид и добавила: "Я тебя не виню... Наверное, это просто моя... судьба...".

<http://tl.rulate.ru/book/119/2984343>